

**Марина Андреевна
БЕЛОУСОВА,**

аспирант кафедры
истории государства
и права
юридического факультета
Московского
государственного
университета
имени М.В.Ломоносова
marina.a.belousova
@yandex.ru
119234, Россия, г. Москва,
Ленинские горы, д. 1, к. 51

Церковный суд в допетровской России. Вопросы юрисдикции

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления юрисдикции православного духовного суда в России в период с принятия христианства на государственном уровне до конца XVII столетия. Автор приходит к выводу, что процесс сужения подсудности Русской православной церкви начался задолго до реформ Петра I и был связан с централизацией государственной власти и возрастающей необходимостью исправления недостатков церковной судебной системы. Выявлены случаи нормативного вмешательства государей в юрисдикцию церкви на всех этапах существования допетровской России, начиная с церковных уставов князей Владимира и Ярослава. Оно было тем сильнее, чем более государство в ходе централизации нуждалось в упорядоченном суде. Также показана особая роль несудимых грамот в процессе централизации правосудия.

Ключевые слова: церковный суд; светский суд; предметная подсудность; персональная подсудность; Русская православная церковь; каноническое право; несудимые грамоты; патриарх.

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9s.038-044

Marina A. BELOUSOVA,

Postgraduate student of the Department of History of State and Law,
Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University
marina.a.belousova@yandex.ru
1, str. 51, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119234

The Ecclesiastical Court in pre-Petrine Russia. Issues of jurisdiction

Abstract. The article deals with the process of formation of the jurisdiction of the Orthodox ecclesiastical court in Russia in the period from the adoption of Christianity at the state level to the end of the XVII century. The author concludes that the process of narrowing the jurisdiction of the Russian Orthodox Church began long before the reforms of Peter the Great and was connected with the centralisation of state power and the growing need to correct the shortcomings of the church judicial system. Cases of normative interference of sovereigns in the jurisdiction of the church at all stages of pre-Petrine Russia, beginning with the church statutes of Princes Vladimir and Yaroslav, have been identified. It was the stronger, the more the state in the course of centralisation needed an orderly court. The special role of unconvicted literatures in the process of centralisation of justice is also shown.

Keywords: *ecclesiastical court; secular court; subject matter jurisdiction; personal jurisdiction; Russian Orthodox Church; canon law; nesudimye gramoty; monastery; patriarch.*

С первого этапа христианизации Русского государства основы для формирования церковной подсудности заимствовались из Византии. Наличие славянских переводов номоканонов, самыми распространенными из которых были перевод Иоанна Схоластика и Номоканон в XIV титулах, позволяло транслировать византийский взгляд на церковную юрисдикцию. Позднее, в XIII в., появился новый перевод, получивший наименование Сербской Кормчей. Номоканон в XIV титулах и Сербская кормчая стали основами для большей части будущих русских кормчих книг.

Однако на русскую почву приносились не только канонические нормы, но и нормы законодательства византийских императоров. Помимо этого, византийские церковно-правовые нормы формировались в значительно более ранний исторический период, являясь к моменту рецепции в значительной мере устаревшими даже в самой Византии, и создавались для общества, отличного от древнерусского.

Следовательно, при изучении древнерусского церковного суда, хотя и необходимо держать в уме особенности церковного права Византии, всё же не следует чересчур фокусироваться на зарубежных нормах. Гораздо важнее то, как эти нормы трансформировались и применялись на Руси.

Вероятно, из-за необходимости такой адаптации древнерусский церковный суд получил достаточно четкое определение юрисдикции в нормативных правовых актах: Уставе князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных и Уставе князя Ярослава о церковных судах. Ни у какого другого типа судов в Древней Руси определенной компетенции не было.

Данные документы вряд ли могут быть приписаны лично перу князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого и сложились постепенно, но действовали как источник церковно-судебных норм к XII в. и имели широкое применение¹. В более поздних источниках очерченный в Уставе князя Владимира круг церковной подсудности фактически цитируется². Церковные уставы вытеснили византийское право с арены регулирования древнерусских церковно-судебных отношений.

Устав князя Владимира очертил круг дел, относящихся к юрисдикции церковного суда, и запретил вмешательство светской власти в церковное правосудие. Показательно, что законодатель обещает для нарушителя ответственность перед Богом, а в Оленинской редакции отмечается обязанность митрополита наложить анафему (ст. 8). Вероятно, такая строгость связана с желанием

¹ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М. : Наука, 1972. С. 139, 293.

² Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. № 4. С. 7 ; Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. С. 250–253.

продемонстрировать Константинополю, от которого на первых порах была зависима РПЦ, намерение русского князя не вмешиваться в церковные дела.

Устав князя Ярослава развивает положения Устава князя Владимира. Самым заметным нововведением явилось установление наказаний за церковные преступления, кардинально отличных от византийских. Для Византии было характерно применение церковных по природе наказаний (разного рода епитимий, отлучения от церкви) вместе с жестокими членовредительскими наказаниями. Устав Ярослава определяет почти исключительно *имущественный* характер ответственности (штрафы в пользу епископа и потерпевших), сближающий содержание норм с Русской Правдой³. Здесь наглядно проявляется отход от византийского церковного права в силу неприемлемости его норм для древнерусского общества. Устав князя Владимира, как считают исследователи, не определил конкретные наказания, потому что законодатель либо решил оставить византийские, либо колебался, не представляя, как «приспособить» телесные и членовредительские наказания к обществу, знавшему только кровную месть и штрафы⁴.

В Уставе князя Ярослава вопрос был решен в пользу привычных в Древней Руси штрафов. Вряд ли можно согласиться с В. О. Ключевским, находившим в формулировке отдельных статей «а князю казнить» назначение телесного наказания⁵. Ученый видел подтверждение этому в правилах митрополита Иоанна о применении к уличенным в волховании телесных наказаний. Сомнительно общее значение толкования единственной статьи, сделанного митрополитом-греком.

Дела, отданные на суд митрополита и епископа «опрочи мирян», можно разделить на три категории:

- 1) дела, которые подлежат церковному суду независимо от того, были они совершены мирянами или духовными лицами (*предметная подсудность*);
- 2) дела, относящиеся к ведомству церковного суда в силу принадлежности сторон к церковному ведомству (*персональная подсудность*);
- 3) дела, рассмотрение которых в церковных органах обусловлено земельными отношениями (*вотчинная подсудность*).

Со временем, в связи с усилением власти князей Северо-Восточной Руси, происходило изъятие из компетенции духовного суда наиболее опасных преступлений. С XIV в. «татьба, разбой и душегубство» рассматривались в светских судах, даже если обвиняемым являлось духовное лицо. Подобная тенденция имела и в отношении предметной подсудности, в частности дел об изнасиловании⁶. Причиной стало усиление центральной власти князей Северо-Восточной Руси, а позднее — московского князя.

С. И. Штамм указывает, что подсудность церкви была сужена нормами ст. 59 Судебника 1497 г. (о «вопчем» (смесном) суде в случае принадлежности сторон к разным ведомствам) и ст. 91 Судебника 1550 г. (запретившему монастырскую подсудность торговых людей)⁷.

³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 172–173.

⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 154.

⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: Альфа-Книга, 2019. С. 167–168.

⁶ Шапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси, X–XIII вв. М., 1989. С. 121.

⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 91–91, 168.

Однако правило об общем суде князя и епископа в случае, если только одна из тяжущихся сторон принадлежит к духовному ведомству, существовало еще в Уставе князя Владимира (ст. 18), дублировалась в Уставе князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых (ст. 19)⁸. Следовательно, никакого сужения компетенции этой нормой Судебника не происходит.

Запрет судиться у епископа торговым людям был, как представляется, также связан не с ограничением церковной подсудности, а с фактической борьбой против бегства этой категории лиц из-под подсудности местных светских властей.

Хотя тенденция к ограничению церковного суда действительно имела место с началом централизации Московского государства, не стоит искать подтверждений там, где их нет. Именно Судебники 1497 и 1550 гг. данный вопрос не поднимали.

Кроме того, нерушимость церковной юрисдикции держалась на личном благочестии князя. Вторжение в компетенцию церковного суда могло в большей степени обуславливаться политической конъюнктурой, чем апостольскими и святоотеческими правилами. Это касалось в основном суда над представителями высшей церковной иерархии: изначально суд над епископами производился по византийским церковным правилам, но с середины XII в. князь и представители городской верхушки прибегали к политическим процессам над неугодными архиереями⁹.

Вторжения в церковно-судебную юрисдикцию имели место и на местном уровне, когда князь-ктиторы так называемых вотчинных монастырей по «праву силы» вмешивались в чисто церковные вопросы¹⁰.

Дополнительно указывает на тенденцию к вторжению княжеской власти в деятельность церковного суда повторяющаяся рефреном мысль о недопустимости вмешательства в дела церковного суда. В уставных грамотах удельных князей такая норма объясняется простым повторением текста Устава князя Владимира. Однако в документах духовных властей она звучит как отклик на реально существующую проблему: как призыв к светским правителям воздержаться от вступления в церковную юрисдикцию и как требование к лицам, подсудным церкви, не искать защиты, помимо духовных властей¹¹. Митрополит Киприан в своей грамоте новгородскому архиепископу Иоанну¹² установил ответственность клириков за подчинение светскому суду в виде извержения из сана и отлучения от церкви¹³.

⁸ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 149, 162, 252, 259.

⁹ См.: *Гайдено П. И.* О праве суда над епископатом на Руси (XI–XIII вв.). Постановка проблемы // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 90–108.

¹⁰ О примерах подобных вмешательств в западнорусских епархиях см., например: *Бондаренко А., Хоруженко О.* Вотчинные монастыри русского Средневековья: Булгаков монастырь в Великом княжестве Рязанском // Российская история. 2023. № 4. С. 25.

¹¹ Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 6 : Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 / под ред. А. С. Павлова. № 27. Стлб. 231–234 ; № 45. Стлб. 389–392.

¹² Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Стлб. 229–232.

¹³ Обычно по церковным правилам извержение из сана не сопровождается отлучением от причастия, так как действует правило «не отмстиши бо рече дващи за единого» (поп bis in idem). Однако за наиболее серьезные правонарушения возможны одновременно извержение и отлучение (см. толкование Вальсамона на правило 32 Василия Великого). Видимо, митрополит Киприан развил 30-е апостольское правило об извержении

Несмотря на то что до Соборного уложения никто не отменял действие церковных уставов Владимира и Ярослава, круг дел, фактически подлежащих церковному суду, не мог остаться неизменным. К XVI в. облик церковного правосудия претерпел изменения, во многом в силу распространения несудимых грамот.

Несудимые грамоты (тарханы) — документы, освобождавшие одаряемого (архиерея, монастырь или причт определенных территорий) от судебной власти местных светских органов (наместников и воевод) с правом суда лично у государя. В силу своей многочисленности такие дела не могли рассматриваться лично монархом, а потому направлялись для разрешения в приказ Большого Дворца.

Это право распространялось в большей степени на вотчинную подсудность церкви, но касалось и персональной подсудности церковных людей, так как воеводы на местах нередко злоупотребляли полномочиями. Исключением, установленным некоторыми несудимыми грамотами, были наиболее тяжкие преступления: убийство, кража и разбой — по ним духовенство наравне с мирянами должно было судиться в светских органах. Несудимые грамоты могли касаться духовных дел, предоставляя право суда лично у патриарха¹⁴.

Тарханы выдавались государем не только из личного благочестия или желания вознаградить отдельных представителей духовенства. Несудимые грамоты освобождали духовных лиц от произвола местных светских властей. Выданные монастырям, они также давали право суда «через голову» епархиального пресвященного лично у государя и патриарха. Конфликты между настоятелями монастырей и архиереями не были редкостью, кроме того, данная комбинация позволяла избегать архиерейских поборов. Государь в этой ситуации получал дополнительную территорию, на которой правосудие осуществлялось централизованно, и при этом — благодарность духовных властей.

Духовенство могло обращаться непосредственно к государственному суду также путем подачи апелляций на решения епархиального начальства или патриарха лично государю¹⁵.

Церковный собор 1551 г. подробно рассматривал вопрос о духовном суде. Им была подтверждена компетенция церковного суда, повторен запрет на вмешательство светских властей (гл. 66) и формально отменены несудимые грамоты (гл. 67). В соборных деяниях справедливо указывалось, что изъятие монастырей или епархий из-под общего духовного суда не соответствует церковным правилам¹⁶. Также в вопросах к Собору царь указывал на злоупотребления архиереями в передаче судебных полномочий светским чиновникам (гл. 5, вопрос 7)¹⁷.

и отлучении епископа, обратившегося к мирским властям для достижения власти над Церковью.

¹⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — А. И.). СПб., 1841. Т. 3. № 94.

¹⁵ Горчаков М., прот. Монастырский приказ (1649–1725 гг.): опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 39.

¹⁶ См.: правила 4-е и 9-е Халкидонского (IV Вселенского) собора.

¹⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 269.

Однако запрет тарханов остался лишь на бумаге, и государи продолжали их выдачу и в XVI, и в XVII в., а архиерейские чиновники-миряне всё чаще получали судебную власть над священно- и церковнослужителями.

В XVII в. были выданы самые обширные несудимые грамоты¹⁸. В 1625 г. патриарху Филарету было предоставлено право суда над духовенством и зависимыми людьми патриаршей области по всем делам, кроме «смертоубийства, разбоя и татьбы». В грамоте подчеркивается, что по прежнему указу дела земель патриаршей области рассматривались в Приказе Большого Дворца¹⁹, т.е. уже находились под действием несудимых грамот. По мнению А. П. Богданова, перенос обширных земель, «освобожденных» несудимыми грамотами, под высокую патриаршую руку был целенаправленной акцией по передаче церковно-судебных дел под контроль государства. Это объясняется тем, что патриарх был также «великим государем» и воплощал более интересы государства, чем отдельно церкви²⁰. Однако идея не нашла своего продолжения, тарханы выдавались и позднее, причем даже монастырям, находящимся на территории патриаршей области.

Позднее несудимые грамоты такого же объема получит (тогда еще) митрополит Новгородский и Великолуцкий Никон (1651 г.)²¹, затем он же как патриарх (1657 г.)²².

Тенденция по упорядочению церковной подсудности под сенью государственной власти была продолжена в Соборном уложении 1649 г. Его глава XIII посвящена обособленному от приказа Большого Дворца Монастырскому приказу. Отныне стала обязательной подача челобитных на духовных лиц «во всяких истцовых исках» (т.е. по «обидным» спорам) именно в Монастырский приказ. С одной стороны, это не должно было сильно менять картину, ведь, как сказано в ст. 1, раньше эти иски рассматривались также в светском органе — в приказе Большого Дворца. Однако фактически Монастырский приказ получил очень широкие полномочия, в том числе по управлению церковными вотчинами и по всем исковым делам, которые относились к компетенции архиереев и монастырей. Это знаменовало новую попытку государства ограничить сферу церковно-судебной власти.

Однако и она оказалась недолговечной: Большой Московский собор 1666–1667 гг. постановил, что подсудность духовенства светским органам власти противоречит церковным правилам, и царь утвердил решения Собора, восстановив право архиереев судить подвластных лиц своей епархии.

В 1669 г. царь принял, после совещания с представителями Собора, статьи о следствии, суде и расправе над духовными лицами²³. Они предусматривали особый процессуальный порядок, исключаяющий ведение допроса духовных лиц

¹⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук (далее — А. А. Э.). СПб., 1836. Т. 3. № 164. С. 231–233.

¹⁹ А. А. Э. Т. 3. № 164. С. 231.

²⁰ Богданов А. П. Русские патриархи (1589–1700) : в 2 т. М. : Терра ; Респубика, 1999. Т. 1. С. 344–345.

²¹ А. А. Э. СПб., 1836. Т. 4. № 50. С. 70.

²² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649 — 12 декабря 1825 г.) : в 45 т. СПб., 1826–1830 (далее — 1-е ПСЗ). Т. 1. № 201.

²³ 1-е ПСЗ. Т. 1. № 442.

светскими: допрос должен был вести сначала «закащик священного чину», затем архиерей. Отсылка к «градскому суду» была возможна только после исследования дела архиереем и лишения сана: к гражданскому суду отправлялся уже расстрига, т.е. мирянин. Монастырский приказ был упразднен позднее, уже в 1677 г.

Однако и после соборного определения духовная власть на местах вступала в юрисдикционные споры со светской. Уже Петру I пришлось в 1692 г. принять Указ о ведомстве исковых дел церковных людей в Патриаршем духовном разряде, а не в Московском судном приказе²⁴. В 1695 г. митрополиту Игнатию пришлось напоминать воеводе, что монастыри находятся под церковно-судебной властью архиерея²⁵. Подтверждение подсудности духовных лиц светским властям было дано патриархом Адрианом в Инструкции поповским старостам (1697 г.)²⁶.

С другой стороны, Петр I в вышеупомянутом Указе 1692 г. подчеркивал выход наследственных дел из церковной юрисдикции.

Таким образом, до XVII в. прослеживается тенденция по наступлению государства на судебную компетенцию церкви. Это было связано как с усилением центральной власти и стремлением к унификации судебной системы, так и с недостатками самой организации церковного правосудия. Архиереи зачастую сами прибегали к передаче своих судебных полномочий светским служащим. Однако достигнуть успеха в установлении контроля над церковным судом было суждено уже абсолютистскому государству в XVIII в.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богданов А. П.* Русские патриархи (1589–1700) : в 2 т. — М. : Терра ; Республика, 1999. — Т. 1. — 496 с.
2. *Бондаренко А., Хоруженко О.* Вотчинные монастыри русского Средневековья: Булгаков монастырь в Великом княжестве Рязанском // *Российская история*. — 2023. — № 4. — С. 23–38.
3. *Гайдено П. И.* О праве суда над епископатом на Руси (XI–XIII вв.). Постановка проблемы // *Христианское чтение*. — 2020. — № 1. — С. 90–108.
4. *Горчаков М.*, прот. Монастырский приказ (1649–1725 гг.): опыт историко-юридического исследования. — СПб., 1868.
5. *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / сост. Я. Н. Щапов ; отв. ред. Л. В. Черепнин. — М. : Наука, 1972. — 240 с.
6. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. — М. : Альфа-Книга, 2019. — 1197 с.
7. *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. — М. : Наука, 1972. — 338 с.

²⁴ 1-е ПСЗ. Т. 3. № 1452.

²⁵ А. И. СПб., 1842. Т. 5. № 247. С. 456–457.

²⁶ 1-е ПСЗ. Т. 3. № 1612.